

Пролог

ХАРДИН

Много раз в жизни я чувствовал себя ненужным, даже лишним — в самом плохом смысле этого слова. Моя мама, Триш, старалась, правда старалась, но этого было недостаточно. Она слишком много работала и часто спала днем, ведь всю ночь ей приходилось проводить на ногах. Триш старалась изо всех сил, но мальчик, особенно такой, каким был я, нуждался в отце.

Кен Скотт был измученным жизнью, неотесанным, жаждущим успеха человеком, от которого мне, что бы я ни сделал, никогда не доставалось ни похвалы, ни одобрения. Маленький жалкий Хардин, пытающийся заслужить похвалу мужчины, чьи крики и брань переполняли наш тесный убогий домик, в те времена был бы счастлив узнать, что этот бездушный человек — не его отец. Вдохнув, мальчик взял бы со стола книгу и спросил маму, когда к ним приедет Кристиан — хороший дядя, который смешил его, цитируя отрывки из старых книг.

Но теперь я, уже взрослый Хардин Скотт, имеющий проблемы с алкоголем и подверженный вспышкам гнева, передавшимися по наследству от жалкого подобия отца, вне себя от ярости. Меня предали, я запутался и чертовски зол. Это немыслимо, моя жизнь не может оказаться банальным сюжетом из дешевых сериалов с подменой отцов. Перед глазами всплывают забытые сцены из прошлого.

Вот мама разговаривает с кем-то по телефону. Это случилось на следующее утро после того, как одно из моих эссе выбрали для местной газеты.

— Я просто подумала, что вам захочется узнать: Хардин — настоящий умница. Весь в отца, — похвалила она.

Я оглядел нашу маленькую гостиную. Темноволосый, вырубившийся прямо в кресле человек, у ног которого валяется бутылка виски, — никакой не умница.

«Он самое настоящее дерьмо», — подумал я, но тут человек зашевелился, а мама быстро повесила трубку.

Я, тогда еще слишком маленький и наивный, никак не мог понять, почему мы с Кеном Скоттом никогда не были близки, почему он никогда не обнимал меня, как обнимали моих друзей их отцы. Он никогда не играл со мной в бейсбол и ничему не учил — разве что напиваться в стельку.

Неужели все эти переживания зря? Неужели на самом деле мой отец — Кристиан Вэнс?

Комната кружится, и я разглядываю человека, который, возможно, и есть мой настоящий отец. В его зеленых глазах и линии подбородка мне чудится что-то знакомое. Дрожащими руками он откидывает волосы со лба, и я застываю на месте, понимая, что делаю то же самое.

Глава 1

ТЕССА

— Не может быть.
Я встаю, но тут же опускаюсь обратно на скамейку, и, кажется, даже трава покачивается под ногами. Хотя погода холодная, людей в парке все прибывает: семьи с маленькими детьми, шарики и подарки в руках.

— Это правда. Кристиан — отец Хардина, — говорит Кимберли. Ее сверкающие голубые глаза серьезны.

— Но Кен... Хардин так похож на него.

Я вспоминаю, как впервые встретилась с Кеном в кафе-мороженом. Сразу же стало понятно, что он отец Хардина. Те же темные волосы и тот же рост — ошибиться невозможно.

— Разве? Я не вижу сходства, разве что цвет волос. У Хардина и Кристиана одинаковые глаза, да и черты лица тоже.

«Разве?»

Я представляю себе всех троих. У Кристиана, как и у Хардина, ямочки на щеках и те же глаза... Но это в голове не укладывается. Кен Скотт — отец Хардина, по-другому и быть не может. По сравнению с Кеном Кристиан выглядит слишком молодо. Мне известно, что они одного возраста, но, хотя Кен все еще хорош собой, алкоголизм не прошел для его внешнего вида даром.

— Этого... — Я пытаюсь подобрать слова и лишь ловлю ртом воздух.

Кимберли смотрит на меня виновато.

— Понимаю. Мне так хотелось поделиться с тобой. Я ужасно себя чувствовала, скрывая все это, но ведь это не моя тайна. — Она накрывает мою руку своей и осторожно сжимает. — Кристиан уверял меня, что расскажет Хардину, как только разрешит Триш.

— Просто... — глубоко вздыхаю я. — Где Кристиан? Он рассказывает все Хардину прямо сейчас?

Я снова встаю, и Кимберли отпускает мою руку.

— Мне нужно к нему. Он ведь...

Подумать страшно, как Хардин отреагирует на такую новость — особенно после того, как прошлой ночью застал Триш и Кристиана вместе. Для него это будет слишком.

— Да, он сейчас с ним, — подтверждает Кимберли. — Триш так и не дала окончательного согласия, но Кристиан сказал, что почти уговорил ее, а ситуация уже выходила из-под контроля.

Я вытаскиваю телефон. Не могу поверить, что Триш скрывала все это от Хардина. Я была о ней лучшего мнения, в особенности как о матери, а выходит, я совершенно не знаю эту женщину.

Пытаюсь дозвониться до Хардина.

— Я сказала Кристиану, что будет лучше, если он признается во всем Хардину в твоём присутствии, но Триш настояла, чтобы они поговорили с глазу на глаз... — Кимберли поджимает губы, взгляд блуждает.

Автоответчик безжизненным тоном предлагает оставить сообщение. Кимберли молча сидит рядом, я снова набираю номер, но Хардин опять не берет трубку. Я в отчаянии.

— Кимберли, отвези меня к нему, пожалуйста.

— Конечно. — Она вскакивает и зовет Смита.

Я смотрю на мальчугана, идущего к нам походкой мультяшного дворецкого, по-другому и не скажешь, и внезапно до меня доходит, что Смит — не только сын Кристиана, но и... брат Хардина. У Хардина

есть маленький брат. И тогда я думаю о Лэндоне... Как изменятся их отношения с Хардином? Как поведет себя Хардин, когда узнает, что их не связывают кровные узы? А Карен? Как же милая Карен с ее вкусной выпечкой? А Кен, прилагающий столько усилий, чтобы наверстать упущенное, чувствуя себя виноватым перед мальчиком, который не стал ему настоящим сыном и чье детство было ужасно? Кен хоть вообще знает? Голова идет кругом, мне просто необходимо увидеть Хардина. Он должен знать, что я рядом и что мы справимся с этим вместе. Представить не могу, что он сейчас чувствует. Наверняка потрясен.

— Смит в курсе? — спрашиваю я.

— Мы думали, что да, судя по его отношению к Хардину, но он никак не мог об этом узнать, — отвечает Кимберли, немного помолчав.

Мне жаль Кимберли. Ей и так пришлось пережить измену жениха, а теперь еще это. Смит подбегает и одаривает нас загадочным взглядом, будто хорошо знает, о чем мы только что говорили. Разумеется, это невозможно, но вид, с каким он молча идет к машине, заставляет меня задуматься.

Мы едем через Хэмпстед, пытаюсь отыскать Хардина и его отца, и острое ощущение тревоги у меня в душе то разгорается, то угасает.

Глава 2

ХАРДИН

В баре слышен треск ломающегося дерева.

— Хардин, перестань! — откуда-то сбоку, отраженный эхом, доносится голос Вэнса.

Снова треск, за ним звон бьющегося стекла — приятный, распалаяющий мою жажду к насилию. Мне не-

обходимо что-нибудь сломать, причинить боль, пусть даже какому-то предмету.

Именно это я и делаю.

Крики вырывают меня из полуобморочного состояния. Я опускаю взгляд на руки и вижу, что держу обломок ножки дорогого стула. Подняв глаза, вижу пустые, встревоженные и незнакомые лица и пытаюсь отыскать среди них лишь одно — лицо Тессы. Но ее здесь нет, и в этот момент, охваченный яростью, я не могу понять, хорошо это или плохо. Она бы испугалась, переволновалась за меня, начала бы паниковать и суетиться, звать меня по имени, заглушая звенящие в ушах стоны и вопли.

Я торопливо отбрасываю кусок деревяшки, будто он обжигает кожу, и чувствую, как кто-то обнимает меня за плечи.

— Уводи его отсюда, пока не вызвали полицию! — Никогда не слышал, чтобы Майк так громко кричал.

— Отпусти меня на хрен!

Я отмахиваюсь от Вэнса и бросаю на него свирепый взгляд. Глаза застилает красная пелена.

— Ты что, в тюрьму захотел?! — кричит он мне почти прямо в лицо.

Мне хочется повалить его на пол, сжать пальцы на его горле...

Но пара женщин своими воплями помешали тому, чтобы меня опять унесло в темную пропасть. Я оглядываюсь: дорогуший бар, осколки бокалов на полу, сломанный стул, испуганные лица посетителей, раздумывающих, как им выбраться из этой неразберихи. Всего через несколько секунд их шок превратится в злость — на того, кто помешал их поискам счастья по завышенной цене.

Я пулей проношусь мимо официантки и выскакиваю наружу. Кристиан не отстает.

— Садись в машину, и я все тебе объясню, — раздраженно говорит он.

Опасаясь, что копы и правда могут появиться в любой момент, я подчиняюсь, но при этом не знаю, как мне себя чувствовать и что говорить. Хоть он и признался, я не в состоянии осознать его слова. Это настолько невероятно, что просто нелепо.

Я сажусь на пассажирское сиденье, как раз когда он устраивается за рулем.

— Ты не можешь быть моим отцом, это невозможно. Сплошная бессмыслица — в каждом твоём слове.

Я осматриваю дорогую арендованную тачку и думаю, значит ли это, что Тесса осталась в том чертовом парке, где я ее высадил.

— У Кимберли ведь есть машина?

— Естественно, есть, — с удивлением отвечает Вэнс.

Мы мчимся по дороге, и низкий гул двигателя становится все громче.

— Мне жаль, что ты вот так об этом узнал. Все вроде бы наладилось, но потом вдруг стало рассыпаться на части.

Я молчу, понимая, что сорвусь, как только открою рот. Впиваюсь пальцами в ноги: легкое ощущение боли успокаивает.

— Я все объясню, только не делай поспешных выводов, ладно?

В его глазах я вижу сожаление. Меня этим не разжалобишь.

— Нечего говорить со мной как с ребенком, — огрызаюсь я.

Вэнс смотрит на меня, потом снова на дорогу.

— Ты ведь знаешь, что я вырос с твоим отцом, Кенном. Сколько себя помню, мы всегда дружили.

— В первый раз слышу. — Бросив на него сердитый взгляд, я отворачиваюсь и смотрю на проплыва-

ющий за окном пейзаж. — Похоже, я вообще ни хрена не знаю.

— В общем, так и было. Мы росли вместе, почти как братья.

— И потом ты трахнул его жену? — перебиваю я.

— Слушай, я пытаюсь все тебе разъяснить, так что, прошу, не перебивай.

Вэнс почти рычит, костяшки на руле побелели. Он делает глубокий вдох, чтобы тоже успокоиться.

— Отвечу на твой вопрос: нет, все было не так. Твоя мама и Кен начали встречаться в старших классах, когда она переехала в Хэмпстед. Красивее девушки я никогда не видел.

Внутри все сжимается от воспоминания о том, как Вэнс ее целовал.

— Но Кен сразу же ее очаровал. Они не расставались ни на минуту, как и Макс с Дениз. Впятером мы были, можно сказать, бандой. — Углубившись в свои дурацкие воспоминания, он вздыхает, и его голос становится отстраненным. — Она была остроумной, сообразительной и по уши влюбилась в твоего отца... Черт, я не сумею называть его как-то по-другому...

Из груди Вэнса вырывается стон, и он постукивает пальцами по рулю, словно подгоняя себя.

— Кен был умным, даже одаренным, но, когда досрочно поступил в университет и получил полную стипендию, он стал слишком занят. Слишком занят для нее. Часами просиживал за учебниками. А мы продолжали общаться вчетвером, без него, и мы с твоей мамой... В общем, у нее появились чувства ко мне, а мои к ней только усилились.

Вэнс ненадолго замолкает, перестраиваясь в другой ряд, и включает вентиляцию, чтобы в салон попадало больше свежего воздуха. Воздух все равно остается тяжелым и липким, Вэнс продолжает рассказывать, а у меня голова идет кругом.

— Я всегда ее любил, и она это знала. Но любила его, а он был моим лучшим другом, — говорит он, сглатывая. — Через какое-то время мы стали... близки. Не в сексуальном смысле, просто мы оба перестали сдерживаться и отдались чувствам.

— Избавь меня от дерьмовых подробностей. — Держа руки на коленях, я сжимаю кулаки и заставляю себя заткнуться, чтобы дать ему договорить.

— Ладно-ладно, я понял. — Он смотрит вперед. — В общем, пошло-поехало, и вот мы уже вовсю крутим роман. Кен даже не догадывался. Макс и Дениз что-то подозревали, но оба молчали. Я умолял твою маму оставить Кена, ведь он перестал обращать на нее внимание. Знаю, это безумие, но я ее любил. — Он сводит брови. — Она была единственным спасением от моей тяги к саморазрушению. Кен был мне дорог, но любовь к ней застила глаза. Я ничего не мог с собой поделать.

— И... — Я подталкиваю его продолжать после нескольких секунд тишины.

— Так вот... Ну, когда она рассказала о беременности, я подумал, что мы могли бы сбежать вместе. Она вышла бы замуж за меня, а не за него. Я пообещал, что перестану бездельничать, если она выберет меня, и буду рядом с ней... с тобой.

Я чувствую, что он смотрит на меня, но не хочу встречаться с ним взглядом.

— Твоя мама сочла, что я для нее недостаточно надежен, и вот я уже молча слушаю, как они с Кеном объявляют о том, что ждут ребенка и поженятся на той же неделе.

«Какого черта?»

Я поворачиваю к нему голову, но он не сводит глаз с дороги, явно блуждая в воспоминаниях.

— Я хотел, чтобы она была счастлива, и не мог ее опозорить, не мог поставить под удар ее репутацию,